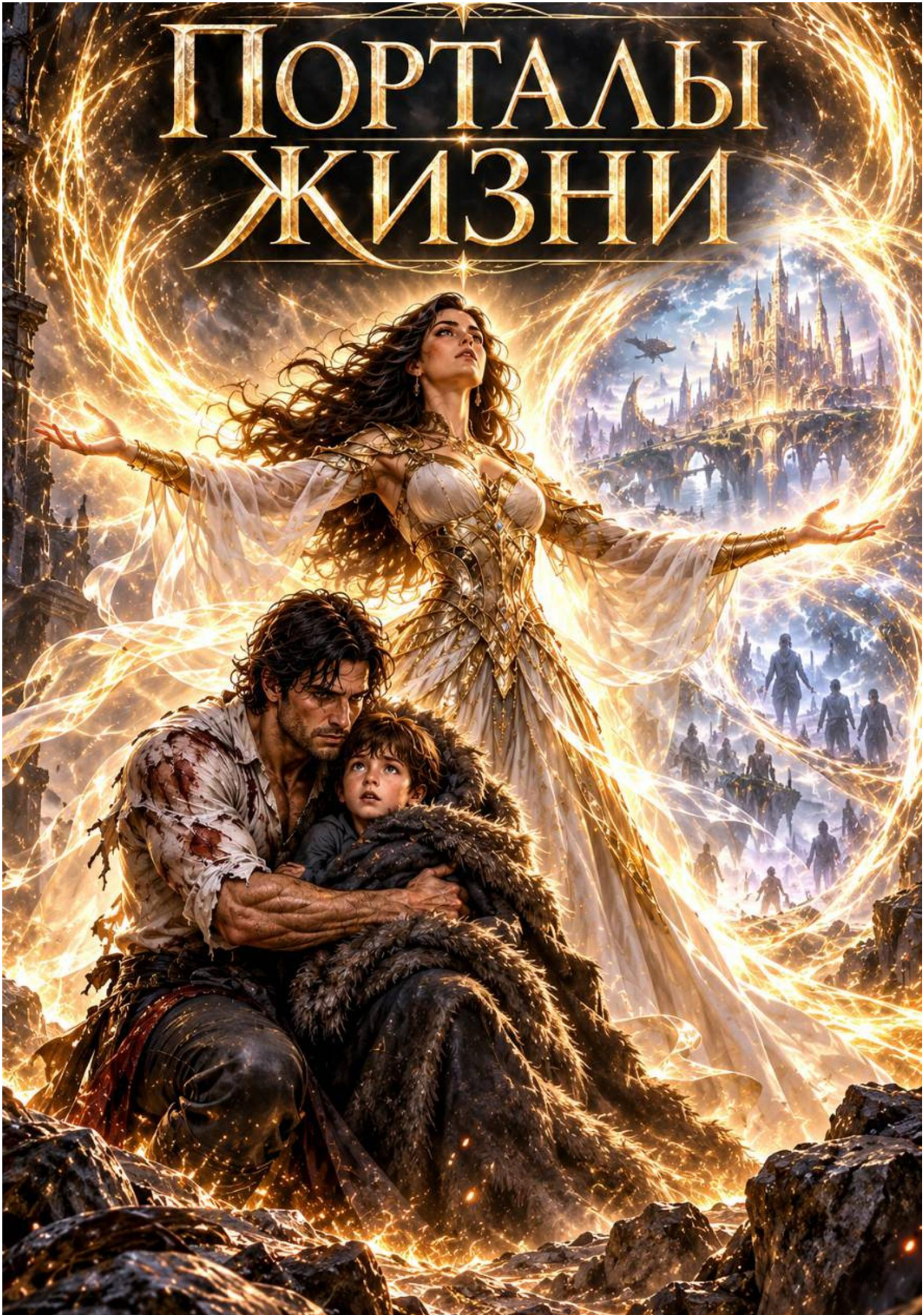

Порталы
жизни

Алина Бигулаева

ПОРТАЛЫ ЖИЗНИ

«Автор»
2026

Бигулаева А.

ПОРТАЛЫ ЖИЗНИ / А. Бигулаева — «Автор», 2026

Линейность времени и одиночество души — лишь великие иллюзии человеческого разума. Мы воплощены одновременно во множестве сопредельных миров, и квантовое эхо наших прошлых жизней способно пробивать пространство.Астрид — одинокая травница, скрывающая свой редкий целительский дар на окраине цветущей долины. Её привычная реальность рушится, когда у старого колодца она встречает пятилетнего наследника престола. Мальчик неосознанно пьет чужие жизни, играя с первозданным Эфиром, а его отец — суровый лорд Эйдан — безжалостно карает любого, в ком подозревают каплю магии. Попытка тайно защитить ребенка оборачивается для Астрид пленом в каменной цитадели. Но, оказавшись в логове врага, она узнает страшную истину: засада на границе переписала судьбу правителя, а сам лорд скрывает тайну космического масштаба. Ткань реальности трещит по швам, и им придется соединить свои истоки, чтобы выстоять перед лицом надвигающейся бездны.

© Бигулаева А., 2026
© Автор, 2026

Алина Бигулаева
ПОРТАЛЫ ЖИЗНИ

ПОРТАЛЫ ЖИЗНИ

Пролог.

Человеческий разум, запертый в тесных рамках трехмерного восприятия, склонен верить в две великие иллюзии: в линейность времени и в абсолютное одиночество собственной души. Нам кажется, что мы рождаемся лишь однажды, совершаем свой короткий земной путь в слепом неведении и уходим в пустоту. Но Хроники Вселенной помнят иную правду. Мир, который мы привыкли осязать, — лишь тонкое отражение в одном из бесчисленных зеркал Создателя. Великий Логос, Бог-Творец нашей вселенной, соткал её ткань из миллиардов вероятностей, плотностей и параллельных течений, а за пределами этого мира дышат иные вселенные, управляемые своими великими архитекторами под эгидой Единого Абсолюта.

В этой бескрайней многомерности наши души не принадлежат лишь одному телу. Мы воплощены одновременно во множестве сопредельных миров, проживая тысячи альтернативных жизней. В одной вселенной твоё «Я» может обладать могуществом, способным двигать горы и повелевать первозданным Эфиром, а в другой — томиться в безвестности, позабыв о своем божественном происхождении. Но память духа неизгладима. Квантовое эхо сильных решений, великих жертв и вспышек безусловной любви способно пробивать плотность пространства и времени, отзываясь смутным предчувствием в сознании твоих параллельных двойников.

Те души, что изначально были сотканы из единой частоты Божественного Источника, обречены на вечный резонанс. Они могут потерять имена, лица, память и былую силу, их может разделить пространственная пропасть или катастрофа планетарного масштаба. Но закон притяжения сработает без осечки. Нас всегда сводит сама судьба, в какую бы земную глушь ни забросила нас реальность. И когда две родственные частоты соприкоснутся вновь, ткань мироздания дрогнет, запуская необратимый процесс пробуждения, даже если в первые секунды встречи разум увидит в пришельце лишь смертельную угрозу.

ГЛАВА 1

Серебряная изнанка.

Пыль на окраине раскинувшегося в долине поселения казалась почти белой, выжженной безжалостным полуденным зноем. Воздух над каменистой дорогой дрожал, плавился и тёк, словно прозрачное стекло над открытым пламенем костра. В такие часы всё живое пряталось в глухую тень: птицы затихали в листве, собаки забивались под крыльца, а редкие ремесленники и торговцы сидели по избам, пережидая полуденный мор. Астрид сидела у самого подножия столетнего дуба, устроившись на его массивном, выпирающем из земли корне, который заменял ей скамью. Раскидистая крона великана надёжно укрывала её своей густой, прохладной тенью. На девушке было простое, свободное платье из тонкого небелёного льна, слегка выгоревшее на солнце, — единственное спасение в такой удушливый день. Густые, непокорные темные волосы были перехвачены кожаным шнурком, но тяжелые пряди всё равно выбивались из косы, падая на бледное лицо. Астрид старалась лишний раз не поднимать головы, чтобы не привлекать к себе внимания. Одинокая молодая девушка в этих краях всегда вызывала подозрения, а вопросов она не любила больше всего на свете.

Под ногами у неё стояла плетёная из ивовых прутьев корзина. На самом её дне, увядая от жары, лежали пучки горькой полыни, коренья дикого девясила и охапка сушеной лесной ромашки. Астрид только что вернулась из дальней хижины у запруды, где жила многодетная семья местного мельника. Она ходила туда на рассвете, чтобы отдать настойку от затяжной болотной горячки для их младшего сына. Жители пригорода считали Астрид странной, опас-

ной, шептались за её спиной, а суеверные лавочники и вовсе крестились, едва завидев её силуэт на окраине поселения. Её звали ведьмой и отшельницей. Но когда в дома приходила беда, когда младенцы горели в бреду, а нарывы разъедали плоть, те же самые крестьяне, пряча глаза от стыда, ползли к её избушке на краю трясины. И Астрид помогала. Она знала, что целебные травы и мази были лишь удобной ширмой для суеверных людей.

Настоящее исцеление происходило иначе. Накануне в избе мельника Астрид долго сидела у постели умирающего мальчика. Когда испуганные родители отвернулись к иконам, она мягко, едва касаясь, положила ладони на горячую, покрытую липким потом грудь ребенка. Она закрыла глаза и сквозь плоть увидела то, чему её никто не учил, — изнанку его тела. Жизненная сила мальчика выглядела как угасающий, рвущийся на части кокон из тусклых нитей. Астрид сосредоточилась, задышала в унисон с его слабеющим пульсом и принялась аккуратно, своими пальцами «сшивать» эти энергетические разрывы, вливая в них капли собственной искры. Это была изнурительная, опустошающая работа. Сейчас, сидя под дубом, Астрид до сих пор чувствовала, как у неё глухо гудят виски. Ей нужно было восстановить силы.

Рядом, всего в десятке шагов от её убежища, находился старый колодец, снабжавший водой эту часть городских окраин. Его почерневший от сырости и времени деревянный ворот уныло застыл под солнцем. Несмотря на зной, у колодца копошились несколько ребятишек — видимо, строгая нянька вывела господского ребёнка на воздух, а здешние дети пристроились рядом. Их звонкий, пронзительный смех казался Астрид слишком громким в этой сонной полуденной тишине. Этот смех бил по натянутым нервам, напоминая о том, какой чужой она была на этом празднике обычной жизни. Дети бегали друг за другом, поднимая босыми ногами облачка белой, похожей на муку пыли.

Астрид устало вздохнула, поплотнее прижалась спиной к шершавой коре дуба и прикрыла глаза. Ей требовалось уйти в себя. Она сделала долгий, глубокий вдох через нос, задерживая раскалённый воздух в лёгких, и полностью сосредоточилась на внутреннем ритме — на размеренном, глухом биении собственного сердца. С каждым ударом пульса физический мир вокруг неё начинал замедляться. Звуки улицы мгновенно отдалились, будто между Астрид и реальностью выросла толстая стена из мутного стекла, или её саму плавно опустили на дно глубокого, абсолютно спокойного озера. Привычные цвета выжженной травы поблекли, уступая место мягкому, вибрирующему серебристому сиянию. Астрид сделала выдох и соскользнула на Изнанку реальности, с головой погружаясь в Скрытый мир.

Когда она снова открыла глаза, привычная серость улиц отступила. Физический мир превратился в едва различимые, полупрозрачные очертания. Зато теперь Астрид видела то, что скрывала от обычных людей грубая материя — непрерывное, пульсирующее движение жизненных сил. Воздух между кронами деревьев больше не был пустым. Он светился, пронизанный миллиардами тончайших серебристых нитей, которые переплетались в пространстве, связывая воедино траву, вековой дуб, облака и саму землю. Это было дыхание самого Создателя, великая созидательная ткань, на которой соткана эта вселенная.

И именно среди играющих у колодца ребятишек Астрид заметила излом этой идеальной гармонии, от которого всё внутри неё мгновенно заледенело.

В кругу детей стоял маленький мальчик. На вид ему было не больше пяти лет. Он был одет в чистую, добротную холщовую рубашку. Малыш весело, беззаботно смеялся, но его ладошки двигались в особом, ритмичном танце. Его пальцы чертили в воздухе плавные круги, словно он перебирал невидимые струны.

Астрид вгляделась в пространство вокруг него и беззвучно ахнула, сильнее впившись пальцами в подол платья. От груди остальных детей к раскрытым ладоням мальчика тянулись тонкие, колеблющиеся жгуты. Они состояли из миллиардов крошечных, ослепительно мерцающих золотых точек, похожих на жидкое, расплавленное солнце. Этот золотой вихрь текучим ручьем выходил из тел игравших детей и впитывался прямо в маленькие ладошки ребенка.

Мальчик буквально пил их жизненную силу. Свечение вокруг его детского тела становилось плотным, сияющим, в то время как другие дети на глазах угасали. Один из мальчишек споткнулся на ровном месте и тяжело сел в белую пыль, протирая глаза кулачками. Девочка постарше остановилась, вяло прислонившись к деревянному навесу колодца, и измученно зевнула. Дети не понимали, что происходит, просто внезапно лишились всех сил.

«Он забирает их жизнь, — в ужасе подумала Астрид, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться в груди. — Он делает это неосознанно, просто забавляется, как с красивой игрушкой. Глупый, маленький глупец…»

В её памяти слишком живо пронеслись картины из прошлого. Тот кошмарный вечер в её родных краях, когда разъярённая суеверная толпа с вилами и факелами окружила их дом, обвиняя её семью во всех бедах и болезнях общины. Родители успели вытолкнуть её в окно, приказав бежать и никогда не оборачиваться. Ей пришлось бросить всё, сменить имя и долго скитаться, пока она не нашла эти новые земли. К утру от её прошлого осталась лишь горстка пепла и эти глубокие шрамы на душе.

Скитания, последовавшие за той роковой ночью, превратились в бесконечную, стирающую всякую надежду череду одинаково серых, безрадостных дней. Астрид голодала, пряталась в сырых, заброшенных амбарах вдоль разбитых трактов, спасалась от стай голодных бродячих псов и неделями замерзала под проливными осенними дождями, которые казались ей слезами самого Создателя по ослепшему человечеству. Она сознательно уходила всё дальше на север, повинуясь какому-то глухому, едва различимому внутреннему зову. Ей казалось, что чем суровее и неприступнее станут земли вокруг, тем проще будет растворить в их первозданном величии остатки своей изломанной жизни. Внутри неё жила горькая и мудрая мысль, рождённая в долгих ночных дорогах: истинное одиночество познаётся не там, где вокруг тебя нет ни единой живой души, а там, где среди тысяч чужих лиц ты вынужден ежесекундно носить маску, скрывая своё настоящее «Я».

Так, спустя долгие месяцы скитаний, её израненные стопы привели её к этим краям. Перед ней открылась необъятная, процветающая долина, которая ни капли не походила на те крошечные, забытые Богом хутора, где суеверия рождались от скуки и темноты разума. Здесь, у подножия исполинских каменных стен, раскинулся огромный, бурлящий и богатый пригород. Жизнь в долине кипела, не замолкая ни на миг: по широким дорогам тянулись гружёные купеческие обозы со всех концов света, на рыночной площади оглушительно гремели сотни голосов, а на окраинах без устали стучали тяжелые молоты кузниц и шумели водяные мельницы. Поначалу Астрид испытала дикий, парализующий страх перед этим человеческим муравейником. Большая толпа всегда несёт в себе скрытую угрозу — ведь коллективное безумие вспыхивает в людных местах подобно сухому пороху от малейшей случайной искры.

Однако вскоре Астрид открыла для себя ещё один закон этого мира: чтобы спрятать самую чистую и яркую каплю воды, нужно бросить её в бушующий океан. В маленькой деревне каждый чужак на виду, каждый твой вдох становится поводом для сплетен, но в огромном поселении люди слишком заняты собственной суетой, чтобы всматриваться в глаза прохожих. К тому же у этой цветущей долины была одна мрачная, довлеющая над всем сущим особенность. Над черепичными крышами домов, закрывая собой половину неба, тяжелой серой скалой возвышалась цитадель лорда Эйдана.

Владения оскаленного ворона славились на много лиг вокруг своим железным порядком и суровыми, порой безжалостными законами. Обычный люд боялся сурового лорда пуще гнева небесного, но именно этот страх, сковавший долину, парадоксальным образом подарил Астрид долгожданный покой. Здешние жители были слишком напуганы замковой стражей, чтобы устраивать самосуды или собирать стихийные толпы с факелами. Любые волнения жестоко и немедленно пресекались волей правителя. Люди предпочитали держать язык за зубами, прятать глаза под капюшонами и заниматься исключительно своим делом, лишь бы не привлечь к

себе внимание грозной цитадели. Страх, который для одних был проклятием, для Астрид стал надежным щитом. Она поняла, что тишина, рождённая чужим страхом, порой бывает самой безопасной.

Астрид обосновалась на самом дальнем отшибе поселения, выкупив за последние, бережно хранимые медные гроши покосившуюся, полузаброшенную избушку у самой кромки векового, подступающего к долине леса. За долгие семь лет она выстроила вокруг себя невидимую, но абсолютно неприступную стену отчуждения. Она выучилась притворяться обычной нелюдимой знахаркой, которая просто собирает травы, сушит коренья и знает рецепты старых, безобидных отваров. Местные жители быстро привыкли к бледной, молчаливой девушке, которая никогда ни с кем не заговаривала первой и смотрела на мир с тихой гордостью, которую люди принимали за обычную чудаковатость. Её обходили стороной, порой крестились вослед, но её не трогали — ведь когда тело разрывала болезнь, даже самый трусливый человек был готов пойти на сделку с ведьмой. Астрид научилась дышать вполовину вздоха, ступать бесшумно и запрятала свой опасный дар так глубоко в тайники подсознания, что со временем сама почти поверила, будто стала обычной, серой и незаметной частью этого огромного чужого мира. Она выжила. Но цена этой жизни была слишком велика — вечное, звенящее одиночество и липкий, никогда не уходящий страх, что однажды её прошлая жизнь всё-таки ворвётся в этот хрупкий мир и сожжёт его дотла.

И теперь, глядя из своего убежища на маленького мальчика у колодца, Астрид видела в нём себя. Точно такую же чистую, одарённую душу, которая совершает те же самые роковые ошибки, беззаботно играя с великими силами посреди ослепшего, жестокого мира. Она знала, чем заканчиваются такие игры. Огонь не пощадит ребёнка только за то, что он мал. И этот чужой, назревающий кошмар отозвался в её груди такой острой, невыносимой болью, будто она встретила собственного младшего брата.

Резкий, дребезжащий окрик со стороны господских огородов бесцеремонно разорвал серебристую ткань Скрытого мира. Астрид судорожно выдохнула, и реальность с глухим ментальным щелчком вернула себе привычную плотность. Серый туман Изнанки мгновенно рассеялся, а в глаза снова ударил невыносимый, ослепительный полуденный свет. Сердце травницы бешено колотилось в груди, а в ушах всё ещё стоял призрачный звон золотых искр, которые она видела мгновение назад.

— Илар! Ну-ка марш сюда, негодник! Сколько можно тебя искать по пыльным канавам? — к колодцу, тяжело отдуваясь и утирая вспотевшее лицо краем дорогого фартука, поспешно приближалась пожилая, дородная нянька.

Маленький мальчик, чьи ладошки ещё секунду назад закручивали тугие невидимые жгуты чужой энергии, мгновенно опустил руки. Золотой вихрь растаял без следа. Ребёнок беззаботно рассмеялся, обернулся к женщине и весело запрыгал на месте, совершенно не осознавая, от какой страшной беды его только что спасло появление служанки. Другие дети, стоявшие рядом с ним, испуганно вздрогнули, точно очнувшись от тяжелого, вязкого сна. Они выглядели измученными, бледными и вялыми; девочка постарше, пошатываясь от внезапной слабости, тихо поплелась к своей избе, даже не попрощавшись. Нянька грубо подхватила Илара на руки, ворча на ходу о том, что лорд Эйдан скоро вернётся с полуденного объезда дальних границ и горе всем, если наследник будет выглядеть как чумазый оборванец. Малыш закапризничал, сердито задергал ножками, и в этой короткой детской потасовке из рук женщины на пыльную дорогу выскользнул крошечный, свернутый жгутом бархатный плащик глубокого черного цвета.

Нянька, увлеченная борьбой с брыкающимся ребенком, даже не заметила потери и быстрыми, тяжелыми шагами направилась вверх по каменистому склону, к грозным воротам цитадели. Астрид подождала, пока их силуэты скроются за поворотом, медленно поднялась со своего места и подошла к колодцу. Подняв с земли дорогую ткань, она развернула её и почув-

ствовала, как пальцы мгновенно онемели от страха. На бархате плотной золотой нитью был искусно вышит оскаленный ворон — личный герб лорда Эйдана.

Пазл в её голове сложился с пугающей, леденящей четкостью. Этот пятилетний мальчик, беззаботно игравший с Божественным Источником у всех на виду, был сыном самого страшного человека в этих землях.

О лорде Эйдане в пригороде говорили только шепотом, испуганно оглядываясь на неприступные башни замка. Слухи о его жестокости, безжалостности и ледяном сердце передавались из уст в уста по всем местным кабакам. Он возглавил престол в невероятно молодом возрасте — ему едва исполнилось двадцать пять, но эти земли он уже держал в железных тисках. Сплетники утверждали, что его стремительное восхождение к власти было омыто кровью собственной семьи. Шептались, будто молодой и горячий лорд, обуянный непомерной гордыней, не пожелал ждать своей очереди: старый отец-правитель внезапно скончался от загадочной хвори, подозрительно похожей на действие редкого яда, а старшие законные братья Эйдана один за другим сгинули в пограничных стычках, куда он сам их и отсылал. Ему приписывали самые страшные грехи, считая братоубийцей и расчетливым хищником, который ни перед чем не остановится ради абсолютной власти.

Однако около полугода назад произошло нечто, что окончательно превратило лорда в глазах подданных в безжалостное чудовище. Эйдан уехал на дальнюю пограничную заставу вместе со всей своей свитой, молодой женой и маленьким сыном. Там они попали в кровавую, яростную засаду мятежников. Гвардия лорда была вырезана почти полностью, а его юная супруга, как поговаривали, пала первой, истекая кровью на глазах у мужа. Сам Эйдан и его наследник чудом уцелели в той бойне, но вернулись в цитадель совершенно другими. Люди шептались, что после той страшной ночи лорд окончательно ожесточился, выжег в себе остатки милосердия и замкнулся в каменных стенах. На смену прежней вспыльчивости пришла мертвая, расчетливая суровость. Но страшнее всего были его новые, фанатичные законы: Эйдан с маниакальной яростью начал преследовать любого, в ком подозревали хотя бы каплю магии. Его стражники хватали людей по первому доносу. Местные жители считали, что лорд просто обезумел от горя после гибели жены и теперь винит в этом чуждые силы, пытаясь подчинить себе саму природу.

Астрид верила этим слухам. Она знала: если этот суровый, ослепший от ненависти и пролитой крови отец узнает, какая сила дремлет в его собственном сыне, Илара не спасет даже благородное происхождение. Ребенка либо уничтожат замковые инквизиторы, либо сам лорд принесет его в жертву своим страшным законам.

Внутренняя паника гнала Астрид прочь. Она судорожно спрятала детский плащ в свою корзину, присыпав его горькой полынью, и почти бегом бросилась к своей избушке на краю леса. Ей казалось, что стены её маленького убежища смогут защитить её от того безумия, в которое она только что заглянула.

Весь оставшийся день превратился для неё в непрекращающуюся, изматывающую пытку. Жара постепенно спадала, уступая место тяжелым, багровым предвечерним сумеркам, а Астрид металась по своей избушке, не находя себе места. Она пыталась уговорить себя остаться дома. Разум, пропитанный шрамами прошлого, кричал ей: «Не лезь! Это чужой ребенок! Твоя жизнь была куплена слишком дорогой ценой, чтобы рисковать ею ради сына тирана и убийцы! Если тебя поймают в замке, тебя сожгут на площади, и никто даже не вспомнит твоего имени!» Она заваривала мятный чай, пыталась перебирать сушеные коренья, но пальцы не слушались, а перед глазами настойчиво стояло круглое личико Илара и золотая пыльца в его ладонях. Душа Астрид, сонастроенная с высшими законами мироздания, знала то, чего не мог понять её напуганный разум: истинный грех — это не совершить ошибку, а пройти мимо того, кого ты можешь спасти, испугавшись за собственную шкуру.

Осторожность, выработанная годами опасных скитаний, удерживала Астрид от поспешных и безрассудных поступков. Лезть в цитадель лорда Эйдана без подготовки, посреди белого дня или даже под покровом первой попавшейся ночи, было бы чистым безумием. Травница прекрасно понимала, что должна действовать тонко, осмотрительно и попытаться решить всё мирным путём, не привлекая внимания грозной стражи ворона. Следующие две недели превратились для неё в молчаливое, изнуряющее и полное тревоги выслеживание маленького наследника на людных улицах пригорода. Каждый день, наспех перебрав утренние сборы и подвязав плетёную корзину, Астрид приходила к шумной рыночной площади, подолгу задерживалась у старого колодца и высматривала Илара среди пёстрых купеческих рядов. Ей отчаянно, до боли в висках нужно было поймать один-единственный момент, когда мальчик хоть на минуту останется без присмотра, чтобы мягко, ласково, не пугая ребёнка, подойти и заговаривать с ним о его удивительном даре. Несколько раз ей удавалось приблизиться почти вплотную — то под видом продажи спелой лесной земляники, то робко предлагая няньке целебный успокаивающий сбор от детского испуга. Но дородная, суровая служанка коршуном следила за каждым шагом господского приёмыша. Она лишь брезгливо, высокомерно отмахивалась от бледной знахарки, близко не подпуская к мальчику ни единой души, и раздражённо уводила Илара прочь, ворча на навязчивых и подозрительных побирушек. Астрид с растущим внутри отчаянием осознавала: переговорить с ребёнком днём, посреди этой вечной суеты, без свидетелей и лишних ушей, было физически невозможно.

А между тем пугающая сила Илара росла с каждым божьим днём, и скрывать её проявления в людских местах становилось всё труднее. На исходе второй недели её скрытного дежурства на рыночной площади произошло событие, которое окончательно лишило Астрид душевного покоя и сна. В тот день пригород бурлил особенно сильно из-за приезда заграничных купцов. Илар, улучив момент, когда нянька заспорила с торговцем шелками, весело отбежал в сторону мясных лавок. Астрид двинулась следом, не спуская с него глаз, и вдруг прямо из-под тяжелой купеческой телеги наперерез ребёнку с яростным, глухим лаем выскочил огромный, грязный бродячий пёс с налитыми кровью глазами. Мальчик сильно испугался, закричал, отпрянув назад, и в эту самую секунду его глаза на долю мгновения неестественно, жутко вспыхнули ярким, расплавленным золотом. Астрид, стоявшая всего в нескольких шагах, отчетливо видела, как от маленького тела ребёнка во все стороны ударила мощная, невидимая глазу разрушительная волна энергии. Это не было обычным, тихим поглощением жизненных сил, которое она наблюдала у колодца. Избыток накопленной, неусвоенной энергии внутри Илара среагировал на его дикий детский страх и начал спонтанно, хаотично материализовать его эмоции, грубо подчиняя себе физический мир. Огромный свирепый пёс прямо в прыжке неестественно застыл, словно наткнулся на невидимую каменную стену, а затем с глухим жалобным скулением рухнул на брюхо и задрожал, распластавшись в пыли под немым, парализующим приказом маленького мальчика. В ту же секунду стоявшая рядом тяжелая купеческая повозка, лишившись невидимого энергетического равновесия, сама собой сорвалась с тормозов, перевернулась и с треском разнесла соседнюю деревянную лавку, погребая под обломками товар. На рынке мгновенно поднялся страшный крик, лошади взвились на дыбы, а напуганные лавочники принялись истово креститься, списывая всё случившееся на бешеное животное и неисправную ось телеги. Но Астрид, стоявшая посреди этого хаоса, похолодела от ужаса: она поняла, что ребёнок больше не контролирует то, что дремлет внутри него. Если Илар завтра устроит обычную детскую обиду или истерику на глазах у замковой стражи, его дикая сила выдаст их в то же мгновение, руша всё вокруг себя.

Травница поняла, что время стремительно истекает. Закон равновесия уже начал отвечать Илару за его неосознанное воровство жизненных сил: чужая энергия хаотично бурлила в его ауре, истощая его собственное поле, мальчик на глазах становился бледным, а нянька то и дело жаловалась торговцам, что наследника лорда душат по ночам страшные кошмары.

Ему нужна была помощь. Ему нужен был «Спящий узел» — древняя, ювелирная эзотерическая техника. Это был не просто оберег, а сакральный ритуал связывания стихий, способный заглушить любой ментальный шум и закрыть израненную ауру от чужого взора.

Три ночи подряд в своей лесной избушке она не смыкала глаз, творя ритуал защиты сна. На рассвете, когда роса ещё лежала на листьях, она шла в чащу, чтобы выкопать корень белого переступня — проводник земного покоя. Дождавшись полуночи, Астрид зажигала восковую свечу, ставила на стол чашу с родниковой водой и насыпала горсть крупной соли, соединяя силы Земли, Воды и Огня. Очистив корень ножом, она разделяла его волокна на три равные пряди, аккуратно вплетая в них высушенные цветы синей лаванды для умиротворения и полынь для защиты. Завязывая первый узел, она закрывала глаза и мысленно представляла, как золотая буря в ауре Илара усмиряется, превращаясь в тихую, ровную гладь зеркального озера. На каждый узел Астрид накладывала заговор, направляя выдох прямо в переплетение нитей: «Всё, что взято без спросу — в землю уйдёт, всё, что соткано в гневе — покой обретёт. Закрываю от глаза, запираю от зла, чтобы искра твоя невредимой спала». На третьем, финальном узле, она запечатывала плетение каплей горячего воска, фиксируя ментальный замок. Физический узел из кореньев остался лежать на деревянном столе, но Астрид знала: ритуал создал его идеальный, сияющий серебром эфирный слепок на тонком плане. Этот амулет-фильтр, если тайно положить его под подушку спящему ребёнку, должен был сработать как мягкий щит. Поняв, что днём к мальчику не подступиться из-за няньки, Астрид решилась на безумный шаг — пробраться в замок ночью и оставить в его постели невидимый двойник оберега.

Когда на долину опустилась глубокая, глухая ночная прохлада, а величественный замок Эйдана превратился в грозный черный силуэт, прорезающий звездное небо редкими огнями факелов, Астрид легла на свою постель. Она прижала ладони к груди, сделала долгий, глубокий вдох через нос и полностью сосредоточилась на внутреннем ритме, замедляя пульс. С каждым ударом сердца физический мир вокруг неё блекнул, уступая место мягкому серебряному сиянию Живого Эфира. Её физическое тело осталось лежать в безопасности на кровати в лесной хижине, погрузившись в глубокий транс, в то время как её эфирное, призрачное «Я» — невесомый, серебристый силуэт — бесшумно отделилось от плоти. Её призрачные пальцы легко взяли со стола светящийся двойник амулета. Астрид скользнула сквозь закрытую дверь и устремилась к замку.

Ночной воздух на Изнанке реальности не обжигал холодом и не душил зноем — он казался невесомым серебряным маревом, сквозь которое призрачный силуэт Астрид скользил подобно ночному туману. Поселение внизу спало, погружённое в тяжёлую, земную темноту, и лишь редкие, тусклые огоньки догорающих факелов у замковых ворот прорезали эту тишину. Для стражников, застывших на каменных постах, она осталась лишь секундным, едва заметным дуновением прохлады, заставившим их поплотнее затянуть ремни кожаных колетов. Гвардейцы верно несли свою службу, даже не подозревая, какую страшную, тёмную тайну скрывает их суровый правитель под маской борца с колдовством. Астрид проворно взлетела по толстым, узловатым стеблям векового плюща к первому открытому арочному окну, ориентируясь на смутное тепло, исходившее изнутри цитадели. Но замок лорда был возведён на пересечении древних, мощных энергетических линий земли — в месте колоссальной силы, и это обилие чужих, переплетённых вибраций сыграло с травницей злую шутку. В темноте ночи её эфирное чутьё дрогнуло и вместо покоев маленького Илара призрачная Астрид бесшумно спрыгнула внутрь наполненного влажным жаром помещения.

Купальня встретила её плотной, удушливой завесой. Белое марево висело так низко, что очертания высоких сводчатых потолков полностью растворялись в нём, превращаясь в призрачные, зыбкие тени. Воздух был тяжёлым, перенасыщенным влагой и густым ароматом раскалённых камней и горького можжевельникового масла, которое слуги, видимо, щедро плеснули в воду перед уходом. Астрид мягко опустилась на скользкий пол, выложенный крупными

плитами тёмного сланца. На мгновение она замерла, сдерживая дыхание, хотя на Изнанке её лёгкие не нуждались в воздухе. Подсознание, измученное двухнедельной слежкой, требовало немедленно вернуться на стену, скользнуть вниз по плющу и сбежать обратно в спасительную тишину своей лесной избушки. Но пути назад не было — светящийся духовный слепок амулета лежал в её призрачной руке, напоминая о цели. Осторожно ступая, Астрид намеревалась обогнуть зал по стене, чтобы отыскать дверь, ведущую в жилые галереи цитадели, но пар над огромной купелью слегка рассеялся, и она намертво застыла на месте.

Там, погрузившись в тёмную, почти неподвижную воду, лежал мужчина. Астрид знала из кабацких сплетен, что новый правитель долины молод и страшен в своей жестокости, но реальность оказалась куда более ошеломляющей. Вода доходила ему до груди, скрывая мощный разлёт плеч. Влажные, тёмные волосы были небрежно зачёсаны назад, обнажая крупную, сильную шею и жёсткую линию челюсти, тронутую тёмной щетиной. В его неподвижной позе, в том, как расслабленно его руки покоились на каменных бортиках, сквозила пугающая, хищная грация. В нём не было суеты, свойственной обычным людям, — только чистый, властный магнетизм абсолютной уверенности. Внутри травницы предательски, горячей волной отозвалось странное, необъяснимое чувство, от которого на секунду закружилась голова, словно само её существование внезапно соприкоснулось с чем-то бесконечно родным и в то же время опасным. Застигнутая врасплох этим диким притяжением, Астрид просто стояла и заворожённо разглядывала лорда, напрочь позабыв о времени. Она невольно поймала себя на мысли, что истинная опасность кроется не в жестокости, которой её пугали слухи, а в безупречной силе, против которой разум отказывается выстраивать защиту.

Она всё ещё была уверена, что надёжно скрыта серебряным маревом Скрытого мира. Эйдан лежал неподвижно, прикрыв глаза, но вот он медленно, лениво повернул голову в её сторону. Астрид обмерла, будто вросла ногами к полу. Его взгляд был направлен прямо на неё, но зрачки оставались расфокусированными — лорд смотрел абсолютно равнодушно, сквозь её призрачную фигуру, точно на пустое место. Он виртуозно делал вид, что в помещении никого нет. Между ними оставалось всего два шага. Её сердце колотилось так сильно, что этот внутренний стук, казалось, отдавался в самых висках. Ей казалось, что если она сделает хотя бы малейшее движение, это хрупкое призрачное стекло Изнанки с треском расколется. И в этот самый миг фокус его тёмно-зелёных глаз резко, с сухим щелчком изменился. Он поймал её взгляд. Напрямую. В упор.

Астрид не успела даже сделать вдох. В ту же секунду тяжёлые, узловатые побеги векового плюща, змеящиеся по каменной арке прямо над купелью, с яростным шуршанием сорвались со своих мест. Без единого звука жёсткие, гибкие лозы, словно ожившие змеи, перехватили запястья Астрид, обвили лодыжки и с силой вжали её спиной в холодную, шершавую кладку стены. Эфирный поток, не выдержав всплеска её паники, с шумом порвался. Серебряное марево мгновенно рассеялось, её дух силой приковало к материальному объекту, заставив полностью проявиться в физических границах этой комнаты. Но самым страшным было другое. Астрид в ужасе смотрела на лозы, которые сжимали её. Они двигались без единого слова, без заклинаний и ритуалов, подчиняясь исключительно немой, ментальной воле правителя. Догадка ударила в её сознание подобно молнии, заставив оцепенеть: лорд Эйдан, не так давно, ставший жестоким карателем ведьм и фанатичным гонителем колдовства, сам был сильнейшим, могущественным магом, способным прикасаться к невидимым силам этого мира.

Эйдан неторопливо, с ленивой грацией поднялся из купели. Вода с шумом стекала по его рельефному, покрытому каплями торсу. Он даже не подумал прикрываться — он шёл к ней медленно, уверенно, как хищник к пойманной в капкан дичи. Когда он остановился в полушаге от неё, Астрид окутала волна одуряющего жара, исходящая от его мокрой кожи, в то время как спиной она продолжала чувствовать ледяной подвал каменной кладки. Его зелёные глаза потемнели, сузившись. Он наклонился к самому её уху, так близко, что его дыхание опалило

кожу, и плавно провёл ладонью в паре миллиметров от её лица. Астрид физически почувствовала, как его тяжелое, давящее поле буквально тисками сжало её невидимую сущность, полностью блокируя любые попытки уйти обратно на Изнанку реальности.

— И долго ты собиралась там стоять? — его голос звучал тихо, почти беззвучно, но от этого низкого тембра по телу Астрид пробежали колючие мурашки. — Думала, я не вижу, как ты крадёшься, призрачная гостья? Ты ведь знаешь, что если я сейчас сожму кулак, твоя искра развеется в прах? И там, в твоей лесной хижине, твоё настоящее тело больше никогда не проснётся.

— Отпусти… — Астрид попыталась рвануться, но жёсткие стебли плюща держали крепко, врезаясь в кожу запястий. Она с трудом сглотнула вязкую слюну, заставляя себя смотреть прямо в его пронзительные зелёные глаза, хотя внутри её всю трясло от шока и его пугающей близости. — Пусти. Я пришла не к тебе. Я шла к твоему сыну.

— Ну уж нет, — Эйдан коротко усмехнулся, и его взгляд на долю секунды задержался на её приоткрытых губах, заставив её дыхание окончательно сбиться. — Явилась тайно в мои покои на Изнанке, поглазела, узнала то, что тебе знать не положено, а теперь «отпусти»? Кто тебя подослал? Маги Тьмы? Зачем тебе мой мальчик?

— Да никто меня не посылал, слепец! — в отчаянии выдохнула она, понимая, что это её единственный шанс выжить. — Травница, я из низины. Я пришла защитить твоего ребенка от твоей собственной глупости! Твой мальчик… Илар… он не умеет прятать силу! Две недели я следила за ним. Сегодня на рынке он едва не разнес купеческие лавки, когда испугался пса. Его дар растет, он материализует мысли и пьет чужие жизни у всех на виду! Если инквизиторы или люди поймут, какая сила дремлет под твоей крышей, твоего сына уничтожат, и ты не успеешь его спасти! Я принесла оберег, чтобы закрыть его силу, а не причинить вред!

Услышав имя сына и правду о его растущей силе, Эйдан резко изменился в лице. Вся его насмешливая, хищная расслабленность испарилась в один миг. Зелёные глаза потемнели от подступившего, леденящего страха. Он в упор всматривался в её лицо, пытаясь отыскать ложь в её словах. В этот момент за тяжелой дубовой дверью, ведущей в коридор, послышались глухие шаги и приглушенный служебный гул — слуги несли новую порцию дров для жаровни. Эйдан резко обернулся на звук, и в его глазах мелькнула холодная, жесткая решимость. Он не мог допустить, чтобы кто-то увидел эту девушку в его купальне, и уж тем более не собирался доверять ей тайну своей семьи прямо сейчас. Стены подозрений между ними были слишком прочны.

Лорд коротко дернул пальцами правой руки. Жёсткие стебли плюща мгновенно обмякли и с тихим шорохом отползли обратно по каменной кладке. Лишившись опоры, Астрид покачнулась, но прежде чем она успела сделать хотя бы вдох, Эйдан резко схватил её за плечо и одним мощным, безжалостным движением швырнул обратно к распахнутому арочному окну.

— Вон! — процедил он сквозь зубы, и это было последнее, что она услышала.

Астрид спиной вылетела наружу, пробив влажный ночной воздух, и полетела вниз, в абсолютную темноту замкового двора. Страх на секунду парализовал её, но память эфирного тела сработала интуитивно: концентрируя остатки серебряного сияния вокруг своей проекции, чтобы смягчить удар о землю.

В ту же секунду в своей далекой лесной хижине Астрид с диким, хриплым криком резко села на постели, широко распахнув глаза. В легкие со свистом ворвался прохладный ночной воздух, а сердце колотилось в самые виски так бешено, будто она действительно упала с башни. Её физические ладони дрожали, простыня под ней была липкой от холодного пота, а в груди горел огненный след от тяжелого, властного прикосновения лорда. Она осталась жива, но теперь знала главную, смертоносную тайну правителя долины, а он знал, что в лесах скрывается та, кто видит насквозь его сына.

За тонкими оконницами лесной избушки стояла глухая, предрассветная тишина, нарушаемая лишь едва слышным, ленивым шелестом вековых крон. В комнате было прохладно и темно, но Астрид казалось, что воздух вокруг неё раскалён до предела. Она сидела на постели, судорожно обняв руками колени и уткнувшись в них лицом, а её плечи мелко дрожали. Её сознание, только что вернувшееся из Скрытого мира, бунтовало, отказываясь вмещать в себя то, что произошло в ночной купальне.

Перед её внутренним взором с пугающей, гипнотической отчётливостью раз за разом прокручивались те несколько мгновений, когда лорд Эйдан стоял в полушаге от неё. Травница поймала себя на том, что её бьёт дрожь вовсе не от пережитого страха перед темницей или смертью. Это было совершенно иное, незнакомое доселе чувство, от которого сладко и больно тянуло внизу живота. На Изнанке реальности её эфирная сущность не имела плоти, но в присутствии этого мужчины, под воздействием его сокрушительной, первобытной энергии, её призрачное тело словно вспыхнуло обжигающим, невыносимым жаром. Астрид до сих пор осязала этот контраст: ледяной холод каменной стены замка за спиной и одуряющий, волнующий зной, исходивший от его мокрой кожи. Его низкий, вибрирующий шёпот у самого её уха, казалось, до сих пор плавил её мысли, а ладонь, проведённая в миллиметре от лица, оставила на коже невидимый огненный след. В лорде Эйдане не было той отталкивающей, сухой злобы, о которой трепались крестьяне. В нём жила дикая, тёмная грация истинного хозяина силы, и Астрид с пугающей ясностью осознавала, насколько сильно её собственное существо потянулось навстречу этому опасному теплу.

«Он маг, — билась в её голове безумная, отчаянная мысль. — Создатель, он ведь сам владеет Эфиром…»

Этот вывод оглушал, переворачивая весь её привычный мир с ног на голову. В голове Астрид не укладывалось, как человек, обладающий столь великим, сакральным даром, может носить маску безжалостного палача. Зачем он шлёт инквизиторов в дома ремесленников? Почему по его первому доносу людей увозят в казематы цитадели за малейшую искру колдовства? Если он сам способен подчинять себе силы природы и беззвучно повелевать вековым плющом, то вся его священная война против ведьм — это колоссальная, чудовищная ложь. Но какая цель кроется за этим притворством? Астрид пыталась нащупать логику в действиях правителя. Может быть, его суровость — это лишь щит, попытка отвести любые подозрения от себя и своего пятилетнего сына Илара? Если ты громче всех требуешь казней для отступников, никто не догадается искать силу в твоих собственных покоях.

Но ещё сильнее её мучили его хмурые, полные ярости вопросы. Эйдан обвинил её в шпионаже, требуя назвать тех, кто её подослал. Слова лорда про магов тьмы жгли её память. Астрид росла в семье чистых знахарей, где прикосновение к Скрытому миру всегда было благословением Создателя, тихим и созидательным светом, несущим исцеление и покой. Она понятия не имела, о каких магах тьмы говорил правитель замка. Неужели в великом Эфире существовали другие паразитирующие силы, способные извратить саму суть Божественного Источника? И если эти таинственные враги действительно существовали, если они прорывались в эти земли из сопредельных пространств, то, возможно, суровый лорд Эйдан был не тираном, а единственным, кто стоял на рубеже этой невидимой войны?

Астрид подняла голову и посмотрела на бледный, серый луч рассвета, медленно пробивающийся сквозь щель в ставнях. Окна её хижины казались ей теперь слишком хрупкими. Травница понимала, что совершила роковую, непоправимую ошибку. Она шла в цитадель, чтобы тайно спасти маленького мальчика, а вместо этого унесла с собой самую охраняемую, смертоносную тайну правителя долины. Теперь она была для него не просто ночной лазутчицей, а свидетельницей, способной разрушить всю его жизнь одним словом. Эйдан знал, что в лесах скрывается та, кто видит насквозь его и его сына. И Астрид, прислушиваясь к каждому шороху за дверью, с леденящим душу предчувствием ждала, что с первыми лучами солнца тяжелые

сапоги замковой стражи разнесут её ветхий порог. Пазл чужих интриг и недосказанных тайн затягивал её вглубь водоворота, из которого у неё уже не было шанса выбраться прежней.

***

Вопреки её леденящему ожиданию, ни с первыми лучами солнца, ни в полдень тяжелые сапоги замковой стражи не разнесли её ветхий порог. Долина жила своей обычной, размеренной суетой, но для Астрид этот покой был обманчивым, затишьем перед неминуемой бурей. Время тянулось невыносимо медленно. Паника, запертая внутри четырёх стен, душила её, и к исходу третьего дня травница поняла, что сойдёт с ума, если останется в избушке. Ей нужно было сбежать от собственных мыслей, а заодно восполнить запасы трав. Больше всего ей сейчас требовался редкий черный мох и коренья водяного переступня, которые росли лишь в одном месте — далеко на Гиблых болотах, куда суеверные крестьяне не отваживались соваться даже под страхом смерти. Это место пользовалось дурной славой, но для Астрид туманные топи всегда были убежищем: слепые силы природы казались ей куда более милосердными, чем жестокие законы ослепшего человечества.

Собрав корзину, Астрид ушла вглубь леса, когда солнце начало клониться к закату. Однако она жестоко просчиталась, недооценив цену своего ночного столкновения с правителем. Её тело было смертельно истощено. Три ночи без сна, ювелирная магия плетения оберега, а главное — тот страшный, сокрушительный удар, которым лорд Эйдан вытолкнул её призрачное тело из Скрытого мира обратно в плоть, полностью опустошили её внутренний источник. Её личная защитная завеса — то тонкое серебристое сияние, которое обычно окутывало её кожу и заставляло лесных хищников обходить её стороной — сейчас полностью иссякло. Она шла по шатким кочкам Гиблых болот, чувствуя, как с каждым шагом свинец наливает её ноги, а в висках настойчиво пульсирует глухая боль.

Топи встретили её зловещим, мертвенным безмолвием. Тяжёлый серый туман лениво поднимался от застоявшейся, пахнущей тиной воды, укрывая корявые, иссушенные стволы мёртвых берез. Астрид сорвала несколько пучков мха, но стоило ей сделать шаг к дальней гряде, как воздух вокруг неё резко похолодел. Древняя, первозданная трясина, где грань между мирами была истончена до предела, чутко среагировала на её беззащитность. Болотные моровые духи — слепые, голодные порождения стихии — не знали жалости. Они уловили присутствие одарённого, но смертельно ослабевшего существа, чей внутренний огонь едва теплился. Для этих призрачных тварей Астрид стала легкой добычей, раненой птицей, чью силу можно было забрать себе.

Сквозь серую пелену тумана к ней беззвучно потянулись призрачные, колышущиеся силуэты, сотканные из бледных блуждающих огней. Воздух зашептал сотнями перекрывающих друг друга голосов, звавших её по имени, увлекая за собой, вязко туманя и без того уставший разум. Астрид охватил первобытный, чистый ужас. Вместо того чтобы замереть, довериться земле и слиться с шумом камыша, как она поступала всегда, её напуганный разум совершил роковую ошибку. Повинуясь инстинкту самосохранения, Астрид попыталась резко вскинуть руки и выставить перед собой защитный эфирный щит из остатков своей искры. Но истощённая сила сорвалась, излом неосвоенной энергии с глухим хлопком ударил по самой трясине, нарушив хрупкое равновесие вековой топи. Шаткая торфяная кочка под её ногами с мерзким хлюпаньем расступилась. Астрид сдавленно ахнула, теряя опору, и ледяная, густая болотная жижа мгновенно сомкнулась вокруг её бедер, с жуткой, неодолимой силой утягивая её вниз, в черную бездну голодного болота. Каждое судорожное движение лишь глубже засаживало её в капкан, а бледные огни мороков уже кружились над самой её головой, празднуя победу.

Ледяная жижа уже доходила Астрид до самой груди, сковывая дыхание и заставляя лёгкие гореть от нехватки воздуха. Из последних сил она пыталась удержать подбородок над чёрной, зловонной водой, но коварное болото неумолимо побеждало, затягивая её в свои вековые недра. Призрачные огни мороков плясали перед её мутившимся взором, их шёпот сливался

в один сплошной, оглушительный гул, как вдруг пространство вокруг неё резко, с сухим хрустом раскололось.

Астрид не услышала ни криков, ни пафосных заклинаний. Лорд Эйдан возник из серой туманной пелены беззвучно, словно соткался из самого ночного воздуха. На нём был тяжелый, промокший от сырости походный плащ, а лицо казалось бледной, высеченной из гранита маской. Он замер на поваленном стволе старой ивы всего в пяти шагах от тонущей травницы и просто закрыл глаза. Его ладонь, скрытая под темной тканью, едва заметно дернулась, посылая мощный, беззвучный импульс воли. Это был мысленный приказ, сокрушительный ментальный удар чистой, концентрированной энергии. В ту же секунду бледные огни болотных духов испуганно метнулись в стороны, их призрачные силуэты с тихим шипением растворились в тумане, а вековые узловатые корни мертвых берез, повинуясь чужой воле, тяжело зашевелились под водой. Толстый, прочный корень, извиваясь подобно живой змее, вынырнул из грязи, намертво обвил Астрид под мышками и с глухим хлюпаньем рывком вытянул её из удушающей трясины, бережно опустив на сухое, замшелое бревно рядом с лордом.

Астрид упала на колени, судорожно, со свистом хватая ртом холодный воздух. Она кашляла, отплевываясь от горькой болотной воды, а её тело мелко, неудержимо трясло от леденящего холода. Промокшее льняное платье облепило кожу, руки были испачканы в черном иле, а темные волосы грязными прядями липли к лицу. Кое-как смахнув ладонью грязь с глаз, она подняла голову и натолкнулась на прямой, пронзительный взгляд темно-зеленых глаз Эйдана. Лорд смотрел на неё сверху вниз, сохраняя пугающее, хищное спокойствие.

— Ну здравствуй, моя ночная гостья, — тихо, с едва заметной усмешкой произнес он, и от его низкого тембра у Астрид перехватило дыхание. — В физическом теле ты кажешься куда более хрупкой и беззащитной. И гораздо менее осмотрительной.

— Зачем… зачем ты выслеживал меня? — хрипло выдавила Астрид, обнимая себя руками за плечи в тщетной попытке унять дрожь. — Чтобы добить? Заставить замолчать после того, что я видела в твоей купальне?

Эйдан неторопливо опустился на противоположный край бревна, не заботясь о том, что пачкает дорогой плащ в болотной грязи. Он подтянул колени к груди, и в его позе внезапно проступило то самое тяжелое, усталое величие, которое Астрид уловила еще на Изнанке.

— Если бы я хотел твоей смерти, травница, я бы просто позволил этой топи закончить начатое, — спокойно ответил он, всматриваясь в клубящийся над водой туман. — Я шел за тобой три дня. Мне нужно было понять, кто ты такая и какую игру ведешь, прикрываясь заботой о моем сыне. Ты назвала меня слепцом в купальне. Сказала, что я не вижу его силы.

— А разве это не так? — в Астрид вопреки страху снова вскипела гордость. — Ты управляешь Эфиром с такой пугающей легкостью, ты повелеваешь вещами и природой без единого слова, но при этом совершенно не смотришь за собственным ребенком! Илар пьет чужие жизни на улицах, он материализует свои страхи, рушит телеги на рынке, а его отец в это время заперся в каменной башне! Почему ты не обучаешь его контролировать этот дар?

Эйдан помрачнел, жёсткая линия его челюсти судорожно дернулась, а в зеленых глазах промелькнула глухая, отцовская боль.

— Потому что он еще совсем малыш, — глухо произнес лорд, и его голос больше не звучал угрожающе. — Он шалун, Астрид. Обычный пятилетний ребенок. Его разум слишком слаб и хрупок, чтобы вместить в себя законы Скрытого мира. Я думал… я искренне надеялся, что его искра проснется гораздо позже, хотя бы к семи годам, когда он сможет понимать мои запреты. Я просто не успел. Сила в нем разгорается слишком быстро, сжирая его изнутри, а я до сегодняшнего дня верил, что это всего лишь невинные детские шалости, которые можно скрыть.

Травница внимательно всматривалась в его профиль, и в её голове никак не укладывалось это несоответствие. Перед ней сидел испуганный за своего сына отец, обладающий великой магией, но на рынках пригорода его имя мешали с грязью и кровью.

— Если ты сам такой же, как мы… если ты чувствуешь Эфир, — Астрид сделала выдох, заставляя себя задать самый страшный вопрос, который жёг её душу. — То почему ты начал эту кровавую охоту в долине? Зачем ты отдавал приказы ловить, пытать и безжалостно казнить тех несчастных, в которых твои инквизиторы подозревали хотя бы каплю колдовства? Как ты можешь жить с этим грехом, лорд Эйдан?

Эйдан резко повернул к ней голову. В его темно-зеленых глазах вспыхнул такой яростный, леденящий огонь, что Астрид невольно отпрянула назад по бревну. Он наклонился к ней вплотную, и его горячее дыхание коснулось её замерзших губ.

— Не смей судить о том, чего не понимаешь твой зашоренный знахарский ум, — процедил он сквозь зубы, и в его голосе сквозила мертвая, расчетливая сталь. — Те твари, которых мои гвардейцы хватали на рынках и в домах, не были невинными целителями, Астрид. Ни один из них. Это были посланники Тьмы. Лазутчики и паразиты, которые пробирались в мои земли с одной-единственной целью — выследить моего сына и поглотить его чистую искру, за одно высасывая жизненные силы из обычных крестьян и собирая жатву страха. Они шпионы, Астрид. И я выжигал их без суда и пощады, маскируя это под обычные суеверия инквизиции, чтобы их хозяева там, за преградой миров, даже не догадались, что их планы раскрыты. Если бы я проявил к ним хоть каплю твоего слепого милосердия, эта долина давно превратилась бы в пепелище.

Астрид застыла, не в силах произнести ни слова. Её разум отказывался верить в услышанное. Для неё магия всегда была чистым светом Создателя, благословением, несущим покой. О каких «магах тьмы» и «преградах миров» твердил этот суровый правитель? Она видела, что лорд не лжет — в его глазах стоял первобытный, глубокий страх перед этой неведомой угрозой, но масштаб этой тайны пугал её куда сильнее, чем голодная болотная трясина.

Эйдан молча наблюдал за тем, как на её бледном лице отражается тяжелая, мучительная работа мысли. Он не торопил её, не пытался оправдываться или смягчать свои жесткие слова. Зубы Астрид начали громко постукивать от пронизывающего болотного холода, а мокрая ткань платья, облепившая тело, казалось, вытягивала из неё последние остатки сил. Заметив, как она судорожно сжалась, пытаясь согреться, лорд нахмурился.

Без единого слова он поднялся, резко расстегнул тяжелую серебряную пряжку на своей шее и снял широкий походный плащ из плотного темного сукна, подбитый мягким волчьим мехом. Одним уверенным, бесцеремонным движением он набросил его на худые плечи Астрид. Травница вздрогнула от неожиданности, собираясь сбросить чужую одежду, но тяжелое, сухое сукно мгновенно окутало её одурманивающим, живым теплом, исходящим от тела правителя, а в нос ударил едва уловимый запах горького можжевельника и конской кожи. От этого тепла по её телу снова прокатилась та самая пугающая, жаркая волна, заставившая эфирное зрение на миг ослепнуть от серебряных искр. Эйдан тоже вздрогнул. Его ладонь на долю секунды задержалась на её плече, пальцы судорожно сжались, сминая грубое сукно, а в глубине его потемневших зеленых глаз на миг вспыхнуло то томительное, голодное пламя скрытой страсти, которое он так яростно пытался подавить в себе с самой первой секунды их встречи в купальне.

— Не дергайся, — сухо процедил Эйдан, перехватывая её руку, когда она попыталась стянуть капюшон. Его пальцы были горячими и жесткими, словно стальные тиски, и от этого мимолетного прикосновения кожа к коже у Астрид сладко замерло сердце. — Ты нужна мне живой, знахарка. Но не потому, что я проникся к тебе жалостью. Ты совершенно не умеешь управлять своей силой, Астрид. Сегодня ты едва не скормила себя болотным тварям просто потому, что поддалась панике. Твой дар слишком приметен, и если лазутчики Тьмы вычислят

твой след в этой глуши, они прижмут тебя к стене. Ты слаба, ты не выдержишь их натиска, расколешься от страха и выдашь им всё: и меня, и моего сына. Я не могу так рисковать. Но если ты научишься полностью подчинять себе силу, они не смогут пробить твою защиту. Ты сумеешь противостоять им, а я смогу спать спокойно, зная, что ты под моим присмотром.

Он сделал шаг назад, и его высокая, статная фигура снова наполовину растворилась в сером, клубящемся над топью тумане. Зеленые глаза лорда блеснули из-под темных ресниц с холодной, предупреждающей решимостью.

— Я не позволю тебе погубить моего мальчика, — его голос звучал тихо, но отчетливо пробивал монотонный шум болотного камыша. — Тот оберег, что остался у тебя на столе в избушке, ты передашь мне. Но чтобы ты не стала нашей общей мишенью, я сам выжгу из тебя этот страх и научу тебя владеть силой так, как владею я. Вы будете приходить на опушку леса для обучения, когда я подам знак. Не смей приближаться к замку и не вздумай бежать из долины — моя стража найдет тебя в любой глуши, и тогда разговор будет совсем иным. Ты научишься защищаться, Астрид. Хочешь ты того или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.